

JEL: D02, N11, P14, Z13

УДК 285.8; 334.7; 94(73)

DOI: 10.31857/S2686673022070069

EDN: GSRAWN

«Коммуны» первопоселенцев Виргинии и Нового Плимута: как это было и почему

В.Б. Студенцов

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23

Researcher ID: C-9842-2019

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4242-0877> e-mail: studentcov.viktor@gmail.com

Резюме: Статья посвящена довольно краткому эпизоду из жизни первопоселенцев Виргинии и Нового Плимута, а именно начальному ведению ими коллективного хозяйства. События того короткого периода для современных сторонников либеральных экономических ценностей стали служить чуть ли не хрестоматийным примером несостоятельности общей собственности и превосходства над ней частной. В работе разбираются причины, вызвавшие к жизни феномен работы сообща, а также то, насколько деятельность этих поселений действительно соответствовала критериям понятий «коммуна» («социализм» и т.п.). Показывается ошибочность формулирования на основе опыта этих двух колоний сколь-нибудь далеко идущих выводов относительно неэффективности общей собственности.

Ключевые слова: Виргинская колония, Новый Плимут, пилигримы, «коммуна», строгая уравнительность, товарищество на паях, частная собственность

Для цитирования: Студенцов В.Б. «Коммуны» первопоселенцев Виргинии и Нового Плимута: как это было и почему. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2022; 52(7):72-84. DOI: 10.31857/S2686673022070069 EDN: GSRAWN

Virginia and New Plymouth Settlers' «Communes»: The Way It Was and Why

V.B. Studentsov

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN).

23, Profsoyuznaya st., Moscow, 117997, Russian Federation

Researcher ID: C-9842-2019

ORCID: 0000-0002-4242-0877 e-mail: studentcov.viktor@gmail.com

Abstract: Essay explores a rather short-term episode of Virginia and New Plymouth colonies settlers' experience, namely collective household and common economic activity. That time span now has become something rather short of a textbook example of a failure of common ownership or "socialism" and a proof of private enterprise superiority. Author argues that this understanding is misplaced and misdirected as it would be wrong to deduce from these two colonies' experience any conclusions about principal inefficiency of common ownership. The two colonies, which at first had common founders, were from the very start created as private

enterprises (with colonists as partners) and suffered foremost and mostly from poor organization. Not only did their initiators-investors have a poor idea of what awaited the colonists on the new continent, but they also imposed living and working conditions that proved absolutely unacceptable. To ensure a clear return on their investment, the investors contemplated requiring the settlers to work together for seven years on a common fund and to be provided with everything they needed by that fund. Individual differences in efficiency (and dependents, in the case of Plymouth) were not taken into account. As a result, Virginia and New Plymouth colonies suffered, but to varying degrees, both from free riding and the tragedy of the commons. The reason for this had been short-sightedness of the organizers.

Keywords: Virginia colony, New Plymouth, pilgrims, «commune», strict equalization, joint-stock, private property

For citation: Studentsov V.B. Virginia and New Plymouth Settlers' «Communes»: The Way It Was and Why. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52(7):72-84.

DOI: 10.31857/S2686673022070069 EDN: GSRAWN

ВВЕДЕНИЕ: ВИРГИНСКАЯ КОМПАНИЯ И ЕЁ КОЛОНИИ

Один из важнейших в США праздников – День Благодарения – связан с историей пилигримов, каковыми зовут колонистов Нового Плимута. Традиция его отмечать была заложена в 1621 г., когда новые поселенцы воздали хвалу Господу за первый щедрый урожай в Новом Свете. Однако первопроходцами были вовсе не они, а насельники первой постоянной – виргинской – колонии, деяния которых оказались не вполне годящимися в качестве отцов-основателей США. На эту роль лучше «подходили» отважные переселенцы-колонисты, движимые исканием религиозной и политической свободы, каковыми рисуются ныне пилигримы.

Между тем «виргинцев» и «плимутцев» объединяло то, что они «произрастали» из единого корня – Виргинской компании. Дело в том, что первоначальной организацией английских колоний обычно занимались частные компании – товарищества на паях (*joint-stock companies*), а затем и акционерные общества. В отличие от современных акционерных компаний (с присущим им принципом ограниченной ответственности и обращаемости акций) такие образования мыслились не как постоянно действующие, бессрочные, а как имеющие определённый жизненный цикл, то есть срочные. Они представляли собой в буквальном смысле товарищества, то есть объединения физических лиц, а не только капиталов.

Именно таковой и была Виргинская компания – группа рыцарей, джентльменов, купцов и авантюристов-пайщиков (*adventurers*), которой в 1606 г. Яков I даровал хартию с исключительными правами вести дела в области, «обыкновенно называемой Виргиния» (в те времена под ней понимался весь восточный берег Северной Америки севернее Флориды). Компанию составляли две группы предпринимателей: одна – лондонская, другая – плимутская (с примкнувшими бристольтцами и эксетерцами). Лондонской части компании «выделялась» территория между 34° и 41°, а Плимутской – между 38° и 45° северной широты. Для рьяных сторонников рынка и частной собственности опыт организованных ими колоний, особенно плимутской (где на первых порах практиковалось не просто

общежитие, но и значительные элементы равенства) служит убедительным доказательством несостоятельности «социализма» [1], [2], [Glazier L. 1954].

ВИРГИНИЯ: В ПОИСКАХ ЛУЧШЕЙ ДОЛИ

Освоение отведённой Лондонской ветви Виргинской компании «своей» территории началось весной 1607 г., когда около сотни человек (исключительно мужчин) высадились в Новом Свете и основали поселение, названное в честь короля Якова Джеймстауном.

Среди этой группы религиозные беженцы (пуритане) составляли меньшинство, большая часть новоприбывших ехала в надежде обретения богатства. Одна часть колонистов прибыла в Америку оплатив свой переезд, за других заплатили родственники или иные лица (в том числе местные общины) и, наконец, более половины были закладниками (сервентами), отправившимися за счёт компании. Аналогичный феномен – добровольное временное закабаление (закладничество) – до начала XVIII века существовал и на Руси.

Все переселенцы подписывали договор, обязывавший их в течение семи лет сдавать все плоды своего труда в общий котёл. По истечении этого срока и выплаты долгов перед инвесторами за организацию экспедиции всем будущим колонистам было обещано наделить их землей (до пятидесяти акров), впрочем, гарантии передачу её в частную собственность не давалось [Бетелл Т. 2018: 55]. Тогда же права колонистов должны были получить и сервенты.

Для быстрого и гарантированного возврата затраченных инвесторами средств Лондонская компания поставила колонистам условием совместное проживание. В течение семи лет они должны были получать равное вознаграждение за работу, а всё, что оставалось сверх удовлетворения их жизненных потребностей, направлять в общий фонд для уплаты кредиторам. Историк Виргинской колонии Р. Брюс утверждал, что «у колонистов не было ни малейшей заинтересованности в земле или доле в урожае, поскольку всё произведённое шло на склад компании, а колонисты не имели доли в произведённом» [Bruce P.A. 1896: 213]. Это близко к истине, но не вполне точно – поскольку, коль скоро одним из важных источников пропитания колонистов были в том числе и плоды их собственного совместного труда, известная связь между вкладом каждого отдельного члена колонии и получаемым им доходом всё же присутствовала. Но она была весьма опосредованной, потому-то они предпочитали «работать спустя рукава или просто отлынивать от дела и <...> даже самые честные и энергичные по природе работали в поле вяло и без огонька». В экономической теории ситуация, когда субъект сознательно уклоняется от оплаты (в данном случае в форме несения затрат труда) присваиваемой им части общественного пирога (блага) называется проблемой безбилетника.

Инвесторы, большинство которых изначально и не собиралось покидать Лондон, поставили перед поселенцами задачу приискания «товарных благ» (драгоценных металлов, мехов, рыбы и пр.), которые могли бы быть экспортированы в Англию и тем оправдать затраты на организацию колонии. Особые

надежды почему-то возлагались на обнаружение золота. Закономерно, что почти сразу же по прибытии на место начались его лихорадочные поиски – как вспоминал один из колонистов, «только и разговоров, что о золоте, ни надежды, ни работы, только добывать золото, очищать золото, грузить золото».

Судьба колонии Виргиния критически зависела от поставок зерна из Англии, поэтому приходилось заниматься и земледелием. Однако попытки вырастить привезённые с родины семена злаков закончились плачевно – они плохо акклиматизировались и давали низкий урожай. Многие поселенцы, особенно те, что отправились на другой континент в надежде на лёгкую наживу, убедившись, что расчёты на обнаружение золота не оправдываются, стали выражать желание вернуться домой и были готовы избавиться [*to disperse*] от жизненно важных для выживания колонии сельскохозяйственных орудий [Bruce P.A. 1896: 198]. Брюс не поясняет, что конкретно имелось в виду – были ли это попытки продать их индейцам или же просто уничтожить. В любом случае подобные действия привели бы к скорому сворачиванию деятельности колонии, чего, по видимому, и добивались злоумышленники.

Как жаловался Дж. Смит (1580–1631), стоявший у руля колонии с осени 1608 г. до осени 1609 г., с новыми кораблями её пополняли в том числе люди совершенно никчемные и непригодные к обустройству в Новом Свете – «аффинажёры, золотых дел мастера, ювелиры, гранильщики, резчики по камню, производители курительных трубок, вышивальщики, парфюмеры (и) торговцы шёлком (*silkemen*)» [цит. по Innes S. 1995, 78]. Справедливости ради отметим, что ювелир был в единственном числе, как, впрочем, и парфюмер, и трубочник; правда, аптекарей было двое, равно как аффинажёров и золотых дел мастеров [Kupperman K.O. 2007: 237]. Смит характеризовал колонистов как «рассеянных неуклюжих обжор, которые вместо того, чтобы посвятить себя труду по созданию жизненно необходимых благ, были готовы обменять своё имущество индейцам за еду» [цит. по Bailyn B. 2012: 60]. Слишком многие, отмечал он, были готовы «скорее голодать нежели работать» [цит. по Innes S. 1995: 77]. Для того чтобы как-то исправить положение Смит установил норму выработки – «тот, кто каждый день не произведёт столько же, сколько я, на следующий день будет отправлен за реку и изгнан из форта, как трутень, пока не исправит своё поведение или не умрёт с голоду». Эта мера, первоначально многими воспринятая как чрезмерно жестокая, стала неукоснительно соблюдаться и возымела действие. Разгильдяйству и лени быстро пришёл конец, в результате чего за зиму из двух сотен колонистов умерло не более семи.

Однако вскоре после отъезда Смита в 1609 г. колонию поразил острый продовольственный кризис – отношения с индейцами ухудшились, и те отказались снабжать поселенцев едой. Зимой 1609–1610 г. голод принял такую остроту, что колонисты съели всю домашнюю живность (лошадей, собак, кошек и даже крыс и мышей). Когда же он предельно усилился, в качестве средства пропитания пошла в ход кожаная обувь и все прочие имевшиеся изделия из кожи. Были отмечены случаи людоедства и даже поедания мертвых тел из могил. К маю 1610 г. в Виргинской колонии осталось в живых только шестьдесят человек против че-

тырёх сотен годом ранее [Bailyn В. 2012: 61]. (Кстати, есть оценки, что погибших было даже более четырёх сот [Abbott W.W. 1975: 24]). Колония практически перестала существовать. Возобновление её работы требовало значительных средств и кадрового пополнения. Ещё весной 1609 г. Лондонская виргинская компания, которая до того представляла собой (действующую под эгидой короля) рыхлую группу инвесторов, получила новую хартию, конституирующую её в качестве самостоятельного и не связанного с плимутскими компаньонами отдельного образования. Из товарищества она была преобразована в акционерную компанию, и число участников многократно выросло (их стало более семисот, причём из них пятьсот коллективных, к тому же в её ряды влились более ста бывших и действующих парламентариев [Слэзкин Л.Ю. 1978: 31]).

Членам компании, которые соглашались поселиться в колонии, зачислялось по лишней акции; столько же получали и те, кто ехал за свой счёт, но акций не приобрёл. Компания обещала инвесторам долю в будущих доходах, после раздела имущества в 1616 г., когда деятельность компании должна была быть прекращена. Почему-то срок жизни новой компании опять был отмерен семью годами.

Но с привлечением новых колонистов возникли проблемы. «Приличные люди» не выказывали желания наниматься, а потому компании пришлось обратиться к властям Лондона и ряда других городов с просьбой «поощрить» «беспольных обывателей», которые в противном случае бродяжничали бы и/или бомжевали, к отправке в Америку [Bailyn В. 2012: 66-67]. В результате пополнение колонии было произведено путём привлечения всякого сброда – сомнительных личностей, бродяг, беспризорников, а также безработных солдат-ветеранов.

Прибывший в 1611 г. в качестве представителя верховной власти сэр Томас Дейл застал колонию в неприглядном состоянии, а самих колонистов за бездельем [Бетелл Т. 2018: 54]. По его характеристике, колонисты в основной своей массе представляли собой отбросы английского общества – «такие распущенные, такие нечестивые, буйные, полные мятежа и изменнических настроений личности, что <...> из толпы трёхсот человек <...> немногие могли бы засвидетельствовать принадлежность христианству чем-либо иным, кроме собственного имени» [цит. по Miller P. 1949: 30].

Дейл, ветеран боевых действий в Голландии, фактически ввёл в колонии военный режим и настоял на принятии сурового уголовного кодекса, что предоставило законные средства, чтобы приструнить лентяев и бездельников. Если Смит за сквернословие и матерщину практиковал в буквальном смысле такое «детское» наказание как наливание воды в рукав провинившегося (не удивительно, что впоследствии его обвинили в мягкотелости), то Дейл не церемонился: за подобную провинность протыкали язык шилом, воровство карали повешением или же приковыванием к дереву (до голодной смерти), а тех, кто бежал к индейцам, но был пойман – сжигали. Люди вспоминали, что находились практически на положении рабов – ходили на работу чуть ли не строем и в кандалах, трудились под пристальным надзором надсмотрщиков из военных [Слэзкин Л.Ю. 1978]; [Hoobler D. et al., 2006: 230]. «В первые годы, – замечал признанный авторитет в исследовании колониального периода США Ч. Эндрюс, – Виргиния мало чем отличалась от исправительно-

го и военного поселения, где люди вели почти безнадёжное существование и голодом и болезнями были доведены до отчаяния» [Andrews С.М. 1912: 22].

В известный момент (то ли в 1612 г., то ли 1613 г. – доступные автору источники дают разноречивые данные) Дейл без согласия лондонских акционеров отказался от совместной обработки земли, выделив каждому отличившемуся усердием к работе «древнему плантатору»-мужчине по три английских акра чистой пашни в аренду, а прибывшим позже поселенцам – участки поменьше с тем, чтобы каждый выращивал зерно самостоятельно. На любые общие работы колонисты стали призываться на срок не больше одного месяца в году, и исключительно вне периодов сева и жатвы; они также были должны ежегодно вносить на общий склад два с половиной бушеля зерна за себя и за каждого сервента. Те колонисты, что не стали арендаторами, должны были работать на «общем поле» (*common garden*) и сдавать на общий склад результат одиннадцатимесячного труда, оставляя себе лишь двенадцатую часть произведённого [Bruce Р.А. 1896].

В 1614 г. подошёл к концу срок первого семилетнего контракта. Часть выживших первопоселенцев к тому времени уже покинула колонию, но те, что остались и некоторые другие получили небольшие наделы земли в собственность. В начале 1615 г. таковых насчитывался восемьдесят один человек [Bailyn В. 2012: 78]. К этому времени в Виргинии обнаружилась-таки «золотая жила», но в форме россыпей желтого металла, а в виде выращивания табака, что и придало колонии второе дыхание.

Лондонская часть Виргинской компании какое-то время продолжила своё существование и была окончательно распущена в 1628 году.

НОВЫЙ ПЛИМУТ: СЕПАРАТИСТЫ В ПОИСКАХ СПАСЕНИЯ

Иначе складывалась судьба колонии, основанной Плимутской компанией. Первая попытка плимутцев освоить отведённую им территорию была предпринята тогда же, когда и виргинцами, – в 1607 г. Однако колония Сагадахок, названная так по индейскому названию местной реки, и также именуемая по имени её руководителя Дж. Попхэма (*Popham*) колонией Попхэм, просуществовала менее года. Причины её неудачи обсуждались многократно [напр., Cave А.А. 1995], [Bilodeau С.Ј. 2014], по одной из последних версий, она была заведомо обречена на провал, поскольку её основание пришлось на периодически поражающий данную территорию период засухи [Stahle D.W. et al. 1998]. С ликвидацией колонии деятельность Плимутской компании была заморожена и возобновилась только в 1620 г., когда часть прежних её участников воссоединились в Совете Новой Англии, который при своём громком названии представлял собой опять-таки частную компанию (товарищество). Как ни странно, в деле организации нового поселения в качестве примера для подражания был взят неудачный виргинский опыт лондонцев [Dorfman Ј. 1946: 30].

В том же году на корабле «Мэйфлауэр» в Новый Свет прибыла группа поселенцев, ядро которой составляли пуритане-сепаратисты, искавшие не столько материального благополучия, сколько физического и духовного спасения.

Сепаратисты представляли собой наиболее радикальное крыло пуритан и в отличие от некоторых других представителей этого религиозного течения были конгрегационалистами. Основополагающая идея конгрегационализма состояла в признании истинной церковной организацией (конгрегацией) только той, что основана на добровольном вхождении в общину её членов и заключении завета (ковенанта), то есть своего рода соглашения с Богом [Студенцов В.Б. 2018]. Поскольку данный принцип противоречил претензиям государственной Англиканской церкви на всеохватность (ведь в церковной организации, где все были бы друг с другом знакомы и добровольно объединялись в богослужении, по определению не может быть всё население страны), конгрегационалисты находились под подозрением как неблагонадёжные.

Но, всё же одни конгрегационалисты, как, например, выпускник Кембриджа и видный пуританский теолог У. Эймс, отстаивали сохранение духовного единства с Церковью Англии, на том основании, что хоть её приходы и не были столь же хороши, как конгрегационалистские, но в той мере, в какой их составляли «добрые христиане», объединявшиеся в церковные общины добровольно, они находились в подразумеваемом завете с Богом [Dorfman J. 1946: 11]. Несепаратистскому конгрегационализму следовала та часть пуритан, которая образовала колонию Массачусетского залива [Студенцов В.Б. 2018]. Однако другие, а именно сепаратисты, абсолютно не приемлили поддержания каких-либо связей с ней, полагая её неисправимо порочной. В 1593 г. религиозный сепаратизм был объявлен вне закона, и его приверженцы стали жестоко преследоваться властями – их бросали в тюрьмы и даже казнили. Многие сепаратисты были вынуждены уйти в подполье или же эмигрировать (излюбленным их пристанищем стала Голландия). Одну из сепаратистских общин создал и возглавил друг Эймса, также кембриджец Дж. Робинсон (1575-1625). Вследствие гонений в 1609 г. община Робинсона (числом около ста человек) перебралась в Амстердам, а оттуда вскоре в Лейден. Там-то в 1617 г. и возникла идея эмигрировать в Америку. Впрочем, большая часть общины, которая к тому времени составляла почти триста человек, как и сам Робинсон, не отправились в Новый Свет, а так и остались в Лейдене.

С «Мэйфлауэра» в Новом Свете высадились примерно сотня пилигримов (второй губернатор и первый историк Нового Плимута Брэдфорд указывает их число неточно в сто с лишним [Брэдфорд У. 1987: 88], современные же исследователи его определяют в сто один или сто два, без учёта команды корабля. В отличие от первопоселенцев Виргинии среди прибывших были не только мужчины, но женщины и дети. Члены лейденской конгрегации составляли меньшинство – около двух пятых (точнее сорок два процента) (по Банкеру их было больше – одних только взрослых мужчин средним возрастом под сорок лет насчитывалось сорок семь [Bunker N. 2010: 31]), некоторая часть из тех, кто присоединился к ним в Лондоне для путешествия в Новый Свет, являлись их родственниками [Deetz J. et.al. 2000: 36]. Таким образом, большинство первых переселенцев были связаны узами родства и знакомства [Deetz et.al. 2000, 3], но были и «чужаки» (*strangers*) или же «особенные» (*particulars*); последние плыли в Америку в надежде жить наособицу.

Новая родина встретила новоприбывших неласково, к тому же вскоре выяснилось, что подготовка к обустройству на новом континенте оказалась далеко не на высоте. С декабря 1620 г. по март 1621 г. умерло сорок четыре человека (в том числе временный губернатор Дж. Карвер); погибали целыми семьями. К весне следующего года в живых осталось только пятьдесят девять человек, причём в некоторые периоды пригодными к работе были лишь шесть-семь человек [Deetz J. et.al. 2000: 60]. В ноябре 1621 г. после прибытия «подкрепления» из 35 человек (по Норту, их было тридцать шесть [North G. 1988: 5]) во главе с Р. Кашменом общее число колонистов насчитывало всего лишь 89 человек [Deetz et.al. 2000: 75].

Отправлявшиеся в Новый Свет будущие колонисты заключили с купцами-пайщиками (adventurers) соглашение, по которому каждый из них (старше шестнадцати лет) вносил 10 ф. ст., каковая сумма принималась за одну долю участия в компании. Тем, кто при этом затрачивал столько же деньгами или провиантом, при разделе полагалась двойная доля. По истечении семи лет капитал и имущество, а именно: дома, земли и движимость колонии должны были быть поделены поровну между остающимися в Англии инвесторами-пайщиками и работниками-переселенцами, среди которых тоже были пайщики. Всякий позже прибывший или внесший что-либо в общую казну колонист после семи лет должен был получить свою долю, в зависимости от времени, когда он это сделал [Брэдфорд У. 1987: 55]. Поселенцы должны были получать продовольствие, одежду и всё необходимое из общей казны (складов) [Брэдфорд У. 1987: 56].

Те, кто приехали жить наособицу, получили участки под жилье в границах посёлка и освобождались на время от общих рабочих повинностей, но обязывались вносить в общий фонд один бушель маиса или нечто равноценное в год [Брэдфорд У. 1987: 127-128].

Камнями преткновения на проходивших перед отплытием переговорах между пайщиками и переселенцами были вопрос о собственности на построенные дома и о свободных от работы днях. Первые настаивали на половинном разделе домов, тогда как вторые требовали, чтобы, во-первых, «дома и возделанная земля, в особенности же сады и приусадебные огороды» по истечении семи лет отошли к ним целиком, и, во-вторых, каждый должен был иметь два дня в неделю для работы по дому, особенно семейные. На возражение переселенцев, что в предвидении грядущего раздела жилья «никто не станет строить добротных домов», их лондонский представитель (и переговорщик) с пайщиками Р. Кашмен увещевал: «вот и хорошо; нам сейчас надо так строить, чтобы, если придётся, не жаль было поджечь и бежать при свете зарева, богатство наше не в роскоши состоять будет» [Брэдфорд У. 1987: 60]. Инвесторы отказались идти на уступки в вопросах дележа домов и предоставления двух дней в неделю для личных нужд, но о неблагоприятных изменениях в договоре основная масса пилигримов была извещена практически перед самым отплытием, что поставило их в безвыходное положение.

Итак, предполагалось, что стар и млад должен будет по мере сил работать на общую казну (склад), из которой предполагалось расплатиться со сторонними инвесторами; при этом, судя про всему, никакой индивидуальной нормы выработки установлено не было, что грозило проблемами, которые не замедлили обнаружиться.

Пилигримы вели обработку земли в характерной для средневековой Европы системе открытых полей, когда возделываемая земля делилась на не огораживаемые участки, что позволяло экономить силы и средства на землеустройство [Bunker N. 2010: 117-118]. «Наделы» ежегодно менялись, с тем чтобы нивелировать различие качества почвы. Признанный изъян частой перемены участка состоит в том, что она не побуждает улучшать плодородие земли, ибо результаты усилий предшествующего держателя земли «пожинает» последующий.

Навязанные учредителями компании условия работы и существования оказались нереалистичными. «Люди молодые и наиболее к труду способные роптали, зачем должны они тратить время и силы, работая безвозмездно на чужих жён и детей. Сильный и умелый получал при разделе не больше, чем слабый, не могущий выполнить и четверти того, что мог сильный; это почитали несправедливостью. Люди старые и почтенные, когда приравнивали их по части трудовой повинности, пищи, одежды и пр. к молодым и ничем ещё не отличившимся, видели, в том обиду и непочтение». Возмущались не только мужская, но и женская часть колонии. «А что женщинам приходилось обихаживать чужих мужчин, стирать и стирать на них и др., это сочли за некое рабство, и многим мужьям было не по нраву» [Брэдфорд У. 1987: 119].

При наступлении голодного времени «многое расхищалось, ночью и днём, прежде чем становилось съедобным, а ещё больше, когда созрело. И хотя за несколько початков человека секли (когда удавалось застигнуть), голод толкал на это всех, кого не удерживала совесть» [Брэдфорд У. 1987: 113]. В силу данных обстоятельств уже в 1623 г. условия работы были пересмотрены – было решено, «чтобы маис сеял каждый сам для себя и только на себя при этом полагался; а все прочие работы чтобы шли по-старому сообща. Для этого каждой семье отведён был участок по числу душ на данное время (но без права раздела при наследовании): а юношей всех причислили к какой-либо из семей. Это решение оказалось весьма правильным; ибо все принялись усердно трудиться и посеяли куда больше маиса, чем губернатору или кому-либо другому удалось бы добиться иными способами. Теперь женщины охотно выходили в поле сеять маис и брали детей с собой, тогда как прежде ссылались на недуги и неумение; а если бы их к этому принудить, назвали бы это тиранией и угнетением» [Брэдфорд У. 1987: 118].

Вскоре со всеобщего согласия перешли от годичной к долгосрочной аренде [Dorfman J. 1946: 32], и эти перемены оказались благотворны. «И стало очевидно, сколь выгодно сеять каждому отдельно, ибо у всех оказалось, так или иначе, довольно, чтобы дожидаться следующего урожая; а наиболее искусные и усердные имели дали излишек, который могли продать желающим, так что голода мы с тех пор и поныне уже не испытывали» [Брэдфорд У. 1987: 127].

До 1625 г. лондонские инвесторы продолжали оказывать помощь колонии, но после того, как рыночный курс акций компании упал почти до нуля, её поток резко сократился. В 1627 г. акционеры из Плимута договорились выкупить акции лондонских акционеров в рассрочку в течение девяти лет ежегодными взносами кукурузы и табака, однако расплата растянулась до 1642 г. Поскольку поселенцам

не всегда удавалось осуществить выплаты в положенный срок, приходилось занимать средства под 30–50% годовых. В том же 1627 г. был разделён скот, а на следующий год такой же процедуре подверглась земля, правда в данном случае уже по жребию. Поскольку наделить всех жильём одинакового качества не представилось возможным, обладатели жилищ лучшего качества выплатили компенсацию тем владельцам, у кого оно было качеством похуже.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Виргинская колонизационная «вылазка» в Новый Свет была в полном смысле авантюрой. К тому же, как замечал лидер Массачусетса Дж. Уинтроп, у виргинской колонии было две важнейшие проблемы: во-первых, она не была спаена религиозным заветом (по его выражению, «их основная цель была плотской, а не религиозной») и, во-вторых, «использовала негодные орудия (*instruments*), множество грубых и плохо управляемых людей, самые отбросы Земли» [цит. по Innes S. 1995: 80].

Колония Нового Плимута также была заранее обречена на неуспех. Переселенцы были малочисленны, к тому же после зимы 1620–1621 гг. их число уполовинилось. Кроме того, вопреки первоначальным намерениям лишь меньшую их часть составляли члены конгрегации, а после прибытия новых поселенцев, она сократилась ещё больше. Сожительство пуритан-сепаратистов с теми, кого на вербовали инвесторы, ничего хорошо не сулило, особенно, если учесть, что им предстояло не просто существовать бок о бок, но и трудиться на «общий котёл».

«Мы, – писали в 1617 г. корреспонденту в Лондоне Дж. Робинсон и старейшина общины У. Брюстер о своей конгрегации, – спаены в единое тело самым строгим и священным союзом и заветом Господа <...> и жёстко связаны заботой о благе друг друга и общины в целом, каждый по отдельности и все вместе» [Bradford W. 1967: 33]*.

Однако, как замечал американский историк Б. Бейлин, такая характеристика совсем не подходит к первопоселенцам Нового Плимута, которые с момента отъезда в Америку «представляли собой рыхлое скопление людей разных состояний, собранных из разнообразных мест и с различной степенью приверженности основополагающим идеалам» [Bailyn B. 2012: 323]. В августе 1620 г., ещё до отправки в Новый Свет, Кашмен писал некоему корреспонденту, что «если удастся нам основать поселение, это будет поистине чудо; ибо припасов у нас мало, *большинство меж собой несогласны, и нет у нас добрых наставников и порядка*» [Брэдфорд У. 1987: 76] (Курсив мой. – В.С.). Единство отсутствовало и в дальнейшем – далеко не все колонисты принимали «новый» церковный пуританский календарь, в котором отсутствовали многие традиционные религиозные праздники, в том числе и Рождество, и отказывались в них выходить на работу [Брэдфорд У. 1987].

Таким образом, о наличии у большей части переселенцев Нового Плимута особых уз товарищества и доверия, похоже, говорить не приходилось. Недостаточная спайка колонистов ещё больше усугубилась отсутствием квалифициро-

* Имеющийся русский перевод этой фразы [Брэдфорд У. 1987: 43] по ряду причин автора не удовлетворяет, а потому приводится в откорректированном виде.

ванного руководства. Духовный лидер конгрегации Дж. Робинсон так и не покинул Лейдена (и умер там в 1625 г. от чумы) – переговоры с инвесторами-пайщиками в Лондоне вели доверенные лица (Кашмен и Карвер), заключившие от лица переселенцев, но втайне от них соглашение, которое впоследствии было признано последними кабальным. Наконец, утверждённый на год губернатором Карвер успел поруководить колонией только несколько месяцев (умер весной 1621 г.) [Брэдфорд У. 1987: 88, 94]; тогда-то на его место был избран Брэдфорд, являвшийся местным представителем компании.

Рассматривать трагедии начальных лет виргинской и плимутской колоний в качестве свидетельства фундаментальной несостоятельности общинного (общественного) хозяйствования оснований нет.

Плимутская колония представляла собой частную компанию с общей (паевой) собственностью (как говорилось в контракте – «*common stock*») – вся земля, возведённые на ней дома, орудия труда и предполагаемые прибыли являлись её собственностью, то есть принадлежали всем её членам. Другое дело, что материальное наполнение доли (пая, акции) каждого конкретного колониста не было известно заранее. К тому же плимутцы столкнулись с проблемой, известной как трагедия общин (общих ресурсов). Она возникает, когда по каким-либо причинам является затруднительным (или невозможным) ограничить доступ к эксплуатации (потреблению) некоего истощаемого природного или рукотворного ресурса. Испытанные колонистами набеги на незрелый урожай (или, скажем, потрава посевов или общинных пастбищ) являются типичными проявлениями данной проблемы. После того как в 1969 г. Г. Хардин [Hardin G. 1968] научно сформулировал этот феномен, он был основательно эмпирически изучен и теоретически осмыслен. В 2009 г. за работы по исследованию общественного управления общими ресурсами Э. Остром [Остром Э. 2011] получила Премию по экономике имени Нобеля.

У себя на родине переселенцы могли не сталкиваться с чем-то подобным, поскольку, во-первых, не находились в экстремальных условиях, а, во-вторых, на страже порядка стоял манориальный (общинный) суд. Наконец, можно быть уверенным в том, что плимутцы не представляли себе, что на первых порах встретятся с вопиющим неравенством в мере труда и потребления.

Все формы собственности имеют свои сильные и слабые стороны. Кто бы что ни говорил, частная собственность, хотя и поощряет предприимчивость и усердие, но провоцирует алчность и душевную черствость. С евангельских времён (Деян: 2: 42-47; 4: 32-35) известно, что жизнь в общине (коммуне) сложна и требует от её членов доверия, самоотречения и даже самоотверженности. В отличие от частной собственности, которая покоится на самодисциплине отдельных субъектов, общая (общинная) собственность требует поддержания коллективной дисциплины сообщества. Экстремальные условия жизни колонии Нового Плимута выпукло проявили присущие этой форме собственности недостатки. Но не сами колонисты выказали желание работать сообща, это был выбор купцов-пайщиков, желавших с помощью применения принципа «общего котла» (то есть своеобразной «круговой поруки») гарантировать возврат вложенных средств.

ИСТОЧНИКИ

1. Boaz D. Socialism at Jamestown. Cato Institute. 16.3. (March) 2010. Available at: <https://cato.org/blog/socialism-jamestown> (accessed 7.03.2022).
2. North G. The Puritan Experiment in Common Ownership. Foundation for Economic Education. Available at: <https://fee.org/articles/the-puritan-experiment-in-common-ownership/> (accessed 7.03.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бетелл Т. 2018. Собственность и процветание: уроки истории. М.: – Челябинск, Социум. – 474 [1].
- Брэдфорд У. 1987. История поселения в Плимуте. М.: Художественная литература. – 749 [2] с.
- Остром Э. 2011. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. М.: ИРИСЭН-Мысль. – 445 [1] с.
- Слёзкин Л.Ю. 1978. У истоков американской истории. Виргиния, Новый Плимут, 1602-1642. М.: Наука. – 335 с.
- Студенцов В.Б. 2018. Американские пуритане – люди завета. *США & Канада: экономика, политика, культура*, № 3, с. 107-120. DOI: 10.7868/S3254256418030084

REFERENCES

- Abbott W.W. 1975. The Colonial Origins of the United States: 1607-1763. N.Y. - London, John Wiley & Sons. – 134 p.
- Andrews C.M. 1912. Colonial Period (1607-1766). N.Y., Henry Holt. – 256 p.
- Bailyn B. 2012. The Barbarous Years: The Peopling of British North America: The Conflict of Civilizations, 1600-1675. N.Y., A.A. Knopf. – 614 p.
- Betell T. 2018. Sobstvennost' i Proczvetanie: Uroki Istorii. [Property and Prosperity: Lessons of History]. M.; Chelyabinsk, Socium. – 474 p. (In Russ.).
- Bilodeau C.J. 2014. The Paradox of Sagadahoc: The Popham Colony, 1607-1608. *Early American Studies*, Vol. 12, No. 1, pp. 1-35.
- Bradford W. 1967. Of Plymouth Plantation 1620-1647. An introd. S.E. Morison. N.Y. The Modern Library. – XLVI, 448 p.
- Bredford U. 1987. Istorija Poselenija v Plimute. [History of Plymouth Settlement]. M. Hudozhestvennaya Literatura. – 749 p. (In Russ.).
- Bruce P.A. 1896. Economic History of Virginia in the Seventeenth Century. An Inquiry into the Material Condition of the People, Based upon Original and Contemporaneous Records. N. Y. - London, Macmillan. Vol. 1. – 666 p.
- Bunker N. 2010. Making Haste from Babylon: The Mayflower Pilgrims and Their World: A New History. N.Y., A.A. Knopf. – xiv, 493 p.
- Cave A.A. 1995. Why Was the Sagadahoc Colony Abandoned? An Evaluation of Evidence. *The New England Quarterly*, Vol. 68, No. 4, pp. 625-640.
- Deetz J., Deetz P.S. 2001. The Times of Their Lives: Life, Love and Death in Plymouth Company. N. Y., Anchor Books. – 367 p.

- Dorfman J. 1946. *The Economic Mind in American Civilization, 1606-1865*. Vol. 1. New York, The Viking Press. – xxxi, 499 p.
- Glazier L. 1954. Communism and Pilgrim Fathers. *American Quarterly*, Vol. 6, No. 1, pp. 72-75.
- Hardin G. 1968. The Tragedy of the Commons. *Science*, Vol. 162, No. 3859, pp. 1243-1248.
- Hoobler D., Hoobler T. 2006. *Captain John Smith: Jamestown and the Birth of the American Dream*. John Wiley & Sons. – 274 p.
- Innes S. 1995. *Creating the Commonwealth: The Economic Culture of Puritan New England*. N.Y.-London, Norton – X, 405 p.
- Kupperman K.O. 2007. *The Jamestown Project*. Cambridge (Mass.) - L., Belknap Press of Harvard University Press. – 380 p.
- Miller P. 1949. Religion and Society in the Early Literature: The Religious Impulses in the Founding of Virginia. *The William and Mary Quarterly*, Vol. 6, No. 1, pp. 24-41.
- North G. 1988. *Puritan Economic Experiments*. Tyler (Tx.), Institute for Christian Economics. – 65 p.
- Ostrom E'. *Upravlyaya Obshhim: E'voluciya Institutov Kollektivnoj Deyatel'nosti*. [Ostrom E. 2011. *Governing the commons: evolution of collective action*]. M.: IRISE'N, Mysl'. – 445 p. (In Russ.).
- Slyozkin L.Yu. 1978. *U Istokov Amerikansköj Istorii. Virginiya, Novy'j Plimut, 1602-1642*. [At the Origins of American History. Virginia, New Plymouth, 1602-1642]. M. Nauka. – 335 p. (In Russ.).
- Stahle D.W., Cleaveland M.K., Blanton D.B., Therell M.D., Gay D.A. 1998. The Lost Colony and Jamestown Drought. *Science*, Vol. 280, No. 5363, pp. 564-567.
- Studentsov V.B. 2018. *Amerikanskie Puritane – Lyudi Zaveta*. [American Puritans – Covenant People]. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 48 (3), 107-120 (In Russ.)). DOI: 10.7868/S3254256418030084

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СТУДЕНЦОВ Виктор Борисович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Отдела экономической теории Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН РФ. Российская Федерация, 117997 Москва, ул. Профсоюзная 23.

Viktor B. STUDENTSOV, Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Department of Economic Theory, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations RAS (IMEMO RAN).

23 Profsoyuznaya st., 117997 Moscow, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 29.04.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 6.05.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 7.05.2022.